

Дневники принцессы

Влюбленная принцесса

Мэг Кэбот
Перевод Марии Торчинской

18+

Дневники принцессы

Мэг Кэбот

Влюбленная принцесса

«Popcorn books»

2002

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Кэбот М.

Влюбленная принцесса / М. Кэбот — «Popcorn books»,
2002 — (Дневники принцессы)

ISBN 978-5-6048363-3-0

Миа – самая счастливая девушка на свете. Во-первых, она принцесса. Во-вторых, у нее наконец-то появился парень. Но жизнь принцессы не так проста. Между выступлениями перед светским обществом и подготовкой к экзаменам Мие приходится спасаться от слишком навязчивых поцелуев ее возлюбленного Кенни. И кажется, она испытывает чувства к другому парню... Жизнь принцессы совсем не похожа на сказку!

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-6048363-3-0

© Кэбот М., 2002
© Popcorn books, 2002

Содержание

Благодарности	7
Английский язык	8
Суббота, 6 декабря	12
Суббота, 6 декабря, 11 вечера	15
Воскресенье, 7 декабря	19
Воскресенье, 7 декабря, 11 вечера	25
Понедельник, 8 декабря, продленка	27
Понедельник, 8 декабря, продленка	28
Понедельник, 8 декабря, алгебра	29
Понедельник, 8 декабря, история мировой цивилизации	30
Понедельник, 8 декабря, О. О	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Мэг Кэбот

Влюбленная принцесса

Бенджамину с любовью посвящается

«– Еще Сара любит представлять, что она принцесса, – сказала Джесси. – Она все время в это играет, даже в школе. Она хочет, чтобы Эрменгарда тоже играла с ней в принцесс, но Эрменгарда говорит, что она слишком толстая.

– Она слишком толстая, – сказала Лавиния, – а Сара слишком худая.

– Сара говорит, неважно, как ты выглядишь или что ты имеешь. Важно только то, что ты думаешь и как поступаешь, – объяснила Джесси».

Фрэнсис Ходжсон Бернетт. Маленькая принцесса

THE PRINCESS DIARIES.

PRINCESS IN Love by Meg Cabot

Published in the Russian language by arrangement with The Marsh Agency Ltd, UK and Laura Langlie, USA

Перевела с английского Мария Торчинская

Copyright © 2002 by Meggin Cabot

© Мария Торчинская, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2023

Cover art © by Ana Hard

Суббота, 6 декабря

Все кончено.

Моя жизнь кончена. К-О-Н-Е-Ц.

Знаю, что я это уже говорила, но теперь все по правде.

И почему же? Что стряслось на этот раз?

У меня наконец-то появился парень.

Супер, да? Иногда мне кажется, что я самая везучая девчонка на свете. Не, правда. Сами подумайте: я, может, и не красавица, но фигура у меня не самая ужасная. Живу в Нью-Йорке, крутейшем месте на планете. Я, между прочим, принцесса. И у меня есть парень. Что еще нужно девушке для счастья?

Ой, господи.

КОГО Я ОБМАНЫВАЮ?

Парень-то есть. Но проблема в том, что:
ОН МНЕ НИ КАПЕЛЬКИ НЕ НРАВИТСЯ.

Благодарности

Огромное спасибо Бет Эдер, Дженнифер Браун, Барбаре Кэбот, Саре Дэвис, Лоре Лэнгли, Эбби Мак-Эден и Дэвиду Уолтону.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Задание (на 8 декабря). В нашей средней школе имени Альберта Эйнштейна учатся ребята более ста семидесяти национальностей, представители самых разных этнических групп и религий. Опишите ниже, как ваша семья отмечает самый американский праздник – День благодарения. Пожалуйста, не забывайте оставлять поля на страницах.

КАК Я ПРОВЕЛА ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ

Миа Термополис

6:45 – Я проснулась от того, что маму тошнило в туалете. Она на третьем месяце беременности. Ее врач говорит, что тошнота закончится в следующем триместре. Не могу дождаться. Отмечаю дни в календарике с N'Sync. (Вообще-то я не фанатка этой группы. Ну, не до такой степени. Это моя лучшая подруга Лилли в шутку подарила мне календарик. Хотя один парень там ничего.)

7:45 – Ко мне в комнату стучится мой отчим мистер Джанини. Теперь я должна звать его Фрэнком, но это трудно, потому что в школе, где я учусь, а он преподает алгебру, мне по-прежнему нужно называть его мистером Джанини. Так что я вообще не обращаюсь к нему по имени.

Мистер Джанини говорит, пора вставать. Мы едем отмечать День благодарения к его родителям на Лонг-Айленд. Нужно выезжать уже сейчас, чтобы не застрять в пробке.

8:45 – Конечно, в День благодарения в такую рань нет никаких пробок. Мы приперлись к родителям мистера Дж. на три часа раньше.

Миссис Джанини (не моя мама, а мама мистера Джанини. Моя мама осталась Хелен Термополис, поскольку она известная современная художница и, кроме того, она против патриархата) встретила нас в бигуди. Она очень удивилась – мне кажется, не только потому, что мы приехали слишком рано, но и потому, что мама, едва войдя в дом и почуяв запах жареной индейки, кинулась в туалет, зажимая рот ладонью. Зато у меня появилась надежда, что мой будущий сводный братишка или сестренка родится вегетарианцем (или вегетарианкой). Раньше запах жареного мяса вызывал у мамы исключительно аппетит.

Пока мы ехали из Манхэттена, мама объясняла мне, что родители мистера Джанини – сами люди старомодные и День благодарения привыкли отмечать по старинке. Так что вряд ли им понравится слушать мою традиционную праздничную речь о вине английских первопоселенцев, которые убивали своих новых друзей – коренных американцев, даря им одеяла, зараженные вирусом оспы, и о том, что факт, что вся страна празднует уничтожение местной цивилизации и культуры, достоин исключительно порицания. Вместо таких разговоров, сказала мама, мне следует беседовать на всякие нейтральные темы, ну, там, о погоде, например.

Я спросила, нейтрально ли обсуждать высокую посещаемость Исландской оперы в Рейкьявике (девятьюстами восемью процентами жителей Исландии хотя бы раз слушали оперу «Тоска»).

– Ну если тебе это так необходимо... – со вздохом ответила мама.

Из этого я сделала вывод, что ей уже поднадоело слушать об Исландии. Ну извините, а я вот тащусь от этой страны. Не успокоюсь, пока не переночую в ледяном отеле.

9:45–11:45 – Смотрим с мистером Джанини-старшим по телику парад надувных фигур от «Мэйсис». Мистер Джанини-старший называет комнату, в которой мы сидели, рекреационным залом. На Манхэттене так не говорят. Просто холл, и все.

Помня мамино предупреждение, я не стала произносить свою фирменную речь о том, что парад от «Мэйсис» – еще одно яркое подтверждение безумия американского капитализма.

В какой-то момент трансляции в толпе на экране вдруг мелькнула Лилли. Она стояла перед магазином канцтоваров на углу Бродвея и Тридцать седьмой улицы, прижимая видеокамеру к своему немного плоскому, как у мопса, лицу. Мимо как раз проплывала платформа с Мисс Америкой и знаменитым Уильямом Шетнером из «Звездного пути». Ага, значит, в следующем выпуске своего шоу «Лилли скажет все как есть» моя подруга будет клеймить «Мэйсис». (У Лилли есть собственное шоу на телевидении публичного доступа, оно выходит каждую пятницу в девять вечера на манхэттенском кабельном канале 67.)

12:00 – Приезжает сестра мистера Джанини. С ней ее муж, двое детей и тыквенные пироги. Дети моего возраста, двойняшки. Мальчика зовут Нэтан, девочку – Клер. Я моментально понимаю, что мы с Клер – разного поля ягоды. Когда нас знакомят, она окидывает меня взглядом чирлидерши из нашей школы и спрашивает вредным голосом: «Так это ты – принцесса?»

Я и без нее прекрасно знаю, что выгляжу самым уродским уродом среди учеников младших классов средней мужской (смешанного обучения с 1975 года) школы имени Альберта Эйнштейна. У меня рост пять футов девять дюймов, грудь, которую не разглядеть невооруженным глазом, ноги как лыжи и такая прическа, что голова выглядит словно ватка на конце ватной палочки. Но я не хочу, чтобы мне об этом напоминали девчонки, которым невдомек, что под внешностью мутанта тоже может скрываться живая душа, стремящаяся, как и все в этом мире, к самоактуализации.

Да вообще пофиг, что обо мне думает племянница мистера Джанини. В смысле, она носит мини-юбку из кожи пони. Из настоящей кожи. Наверное, Клер должна понимать, что ради этой юбки пришлось убить лошадь, но ей, видимо, плевать.

Клер достала из кармана мобильник и ушла на веранду, где лучше ловится сигнал. (На улице минус один, но ей-то что. Ее греет юбка из кожи пони.) Говоря по телефону, она то и дело поглядывает на меня сквозь стеклянные раздвижные двери и хохочет.

Нэтан – в мешковатых джинсах, с пейджером, весь увешанный золотыми украшениями – спрашивает дедушку, можно ли переключить на другой канал. Так что вместо обычного для Дня благодарения просмотра футбола или киномарафона на канале «Лайфтайм» мы вынуждены смотреть MTV2. Нэтан знает все песни наизусть и громко подпевает. В большинстве песен есть неприличные слова, которые запикиваются, но Нэтан все равно их произносит.

13:00 – Стол накрыт. Садимся есть.

13:15 – Заканчиваем есть.

13:20 – Помогаю миссис Джанини убрать со стола. Она говорит, чтобы я не занималась ерундой и шла от души посплетничала с Клер.

Просто страшно становится, как подумаешь, насколько старые люди ничего не понимают.

Вместо того чтобы от души сплетничать с Клер, я остаюсь с миссис Джанини и рассказываю ей, как я рада, что ее сын теперь живет с нами. Мистер Дж. всегда помогает по дому и даже взял на себя мою вечную обязанность – чистку туалетов. Я уж не говорю про огромный телевизор и игры в пинбол и настольный футбол, с которыми он к нам переехал.

Миссис Джанини светится от удовольствия, это очевидно. Пожилые люди любят, когда их детей хвалят, даже если детям – как мистеру Джанини, например, – уже тридцать девять с половиной лет.

15:00 – Нам пора уезжать, если мы хотим успеть до пробок. Я говорю всем до свидания. Клер пропускает мои слова мимо ушей, а Нэтан отвечает – советует мне оставаться собой. Миссис Джанини дает нам в дорогу большой кусок индейки, и я благодарю ее, хотя на самом деле не ем индейку, поскольку я вегетарианка.

18:30 – Всего-то три с половиной часа бампер к бамперу на скоростной автомагистрали Лонг-Айленда (что в ней такого скоростного, скажите мне кто-нибудь?!), и мы наконец-то снова в центре города.

Я еле успеваю переодеться в нежно-голубое, в пол платье-футляр от «Армани» и балетки в тон ему, как под окнами уже сигналил лимузин – мой телохранитель Ларс прибыл, чтобы отвезти меня на второе за сегодня мероприятие по случаю Дня благодарения.

19:30 – Я в отеле «Плаза». Консьерж встречает меня и проводит в ресторан «Палм-Корт», где объявляет собравшимся: «Ее высочество принцесса Амелия Миньонетта Гримальди Термополис Ренальдо»!

О просто «Мии» и думать забудьте!

Мой папа, принц Дженовии, и его мать, вдовствующая принцесса, арендовали на вечер ресторан «Палм-Корт», чтобы устроить банкет для своих друзей в честь Дня благодарения. Несмотря на мое отчаянное сопротивление, папа с бабушкой отказываются покидать Нью-Йорк до тех пор, пока не научат меня всему, что должна знать настоящая принцесса, ну или хотя бы до того момента, как меня официально представят народу Дженовии накануне Рождества, – смотря что раньше произойдет. Я пыталась объяснить им, что вряд ли, оказавшись во дворце, начну швыряться оливками в придворных дам и чесать под мышками. Мне все-таки уже четырнадцать, и я худо-бедно умею вести себя на людях.

Но, по-моему, бабушка мне не поверила, во всяком случае, наши ежедневные уроки принцессоведения продолжаются. Лилли недавно написала письмо в ООН, чтобы уточнить, не являются ли бабушкины уроки нарушением прав человека. Она считает, что это противозаконно – заставлять несовершеннолетнего часами учиться наклонять тарелку не к себе, а от себя: «Всегда – запомни, Амелия, – всегда». И это всего лишь для того, чтобы вычерпать последние капли ракового супа. Хочу отметить, что пока ООН не проявила интереса к моим страданиям.

Именно бабушка придумала устроить, как она сама выразилась, «старомодный» обед в честь Дня благодарения: с устрицами в белом вине, голубями, фаршированными фуа-гра, а также с раковыми шейками и иранской черной икрой, которую невозможно достать из-за эмбарго. Бабушка пригласила двести своих самых близких друзей и японского императора с женой в придачу, раз уж они оказались в Нью-Йорке на Всемирном торговом саммите.

Вот из-за них-то мне и пришлось надеть балетки – бабушка утверждает, что неприлично быть выше императора.

20:00–23:00 – Вежливо беседую с императрицей за обедом. Как и я, она была раньше нормальным человеком, а потом вышла замуж за императора. Ну я-то уже родилась королевской особой, просто не знала об этом. Но в сентябре папа вдруг выяснил, что больше не сможет иметь детей после химиотерапии, которую вынужден был пройти, чтобы вылечиться от рака. И тогда ему пришлось признаться мне, что он вообще-то принц и все такое, и я, хоть и незаконнорожденная, поскольку родители никогда не были женаты, его единственная наследница и претендентка на дженовийский престол.

Дженовия – очень маленькая страна (с населением пятьдесят тысяч человек), зажатая среди гор между Италией и Францией, но с выходом к Средиземному морю. И все же быть принцессой этой страны – дело серьезное.

Конечно, не настолько серьезное, чтобы увеличить сумму моих карманных расходов, составляющую десять долларов в неделю. Но достаточно серьезное, чтобы за мной повсюду таскался телохранитель на случай, если вдруг какой-нибудь европейский террорист-отморозок в черных кожаных штанах и с волосами, собранными в конский хвост, вздумает меня похитить.

Императрица всё про это знает, в смысле – какой отстой быть обычным человеком, а потом внезапно обнаружить свой портрет на обложке журнала «Пипл». Она даже дала мне полезный совет: перед тем как вскинуть руку, приветствуя народ, обязательно убедись, что кимоно на тебе как следует застегнуто.

Я, конечно, поблагодарила ее, хотя у меня нет кимоно.

23:30 – Я так устала из-за того, что пришлось рано встать и съездить на Лонг-Айленд, что дважды зевнула прямо в лицо императрице. Я честно пыталась сдерживать зевки, намертво стискивая челюсти, как учила бабушка, но у меня от этого глаза начинают слезиться, а физиономия вытягивается так, будто я протискиваюсь сквозь черную дыру. Бабушка кидает на меня убийственные взгляды поверх тарелки с салатом из груш и грецких орехов, но это не помогает. Даже ее злобный взгляд неспособен вывести меня из оцепенения.

Наконец папа замечает мое состояние и дает свое королевское разрешение не оставаться на десерт. Ларс отвозит меня домой. Бабушка не скрывает огорчения по поводу того, что я не останусь к сыру. Но тут уж или я уезжаю немедленно, или засыпаю прямо на порции сыра с голубой плесенью. Догадываюсь, что бабушка еще отыграется на мне за этот побег – заставит выучить имена всех членов шведской королевской семьи или сделать что-нибудь не менее ужасное и отвратительное.

Бабушка всегда добивается своего.

24:00 – После долгого утомительного дня, во время которого мы благодарим отцов нации – этих известных как пилигримы лицемеров, устроивших геноцид коренного населения Америки, – я наконец-то ложусь в кровать.

Так заканчивается День благодарения для Мии Термополис.

Суббота, 6 декабря

Все кончено.

Моя жизнь кончена. К-О-Н-Е-Ц.

Знаю, что я это уже говорила, но теперь все по правде.

И почему же? Что стряслось на этот раз?

Как ни странно, дело вовсе не в том, что:

три месяца назад я узнала, что являюсь наследницей трона в одной маленькой европейской стране. В конце этого месяца мне предстоит посетить вышеуказанную страну, чтобы быть впервые представленной народу, которым я когда-нибудь стану править. Не сомневаюсь, что народ меня возненавидит, поскольку моя любимая обувь – берцы, а любимый телесериал – «Спасатели Малибу». Короче, я не очень похожа на принцессу.

И не в том, что:

моя мама, которая через семь месяцев должна родить от моего учителя алгебры, сбежала вместе с этим учителем.

И даже не в том, что:

в школе нас жутко загружают, а после уроков бабушка так замучила меня всякой хренью про принцесс, которую надо освоить к Рождеству, что я не успеваю заполнять этот дневник, не говоря уж обо всем остальном.

Нет, нет. Дело совсем не в этом.

Так почему же жизнь моя кончена?

Потому что у меня наконец-то появился парень.

Пора бы уже, в четырнадцать-то лет.

У всех моих подруг есть парни. У всех, даже у Лилли, которая во всех социальных проблемах всегда винит только мужчин.

И неважно, что парень Лилли – Борис Пелковски, пятнадцатилетний скрипач-виртуоз, который тем не менее заправляет свитер в штаны и у которого в брекетах вечно застревают остатки еды. Как по мне, он не так чтоб очень подходит на роль парня для нормальной девушки, но Лилли он нравится, и это самое главное.

Мне так кажется.

Признаюсь: когда у Лилли – наверное, самого привередливого человека на земле (уж я-то точно знаю, мы с ней дружим с детского сада), – появился парень, а у меня – нет, я подумала, что это со мной что-то не так. Ну вдобавок к моему гигантизму и, как говорят родители Лилли – профессора-психотерапевты Московиц, – неспособности выразить вербально свой внутренний гнев. А потом вдруг – бац! – и в один прекрасный день он у меня появился. В смысле, парень.

Ну, не совсем бац... Сначала Кенни слал мне анонимные любовные письма, а я даже не догадывалась, что это он. Я думала (ну ладно, надеялась), что их шлет другой человек. А оказалось – Кенни. К этому моменту я уже так запуталась, что просто не смогла от него отмотаться. И вот пожалуйста – у меня есть парень.

Вроде бы проблема решена, да?

Нет. Все не так просто.

И дело не в том, что мне не нравится Кенни. Он мне очень нравится, и у нас много общего. Например, мы оба ценим не только человеческую, но и любую форму жизни и отказываемся резать зародыши поросят и лягушек на уроках биологии. Вместо этого мы делаем письменные доклады о жизненном цикле разных личинок и мучных червей.

И мы оба любим научную фантастику. Кенни разбирается в ней гораздо лучше меня, но на него произвело неизгладимое впечатление мое знакомство с творчеством Роберта Хайнлайна и Айзека Азимова. Вообще-то мы их в школе проходили, только Кенни этого не помнит.

И я ему не призналась, что на самом деле большинство фантастических романов кажутся мне скучными, потому что там мало героинь женского пола. Вот в японском аниме полно девчонок. Аниме Кенни тоже нравится, он даже решил посвятить свою жизнь его популяризации (в свободное от поисков лекарства от рака время). Кстати, я заметила, что большинство девушек в аниме забывают надеть лифчик. Кроме того, мне кажется, что летчице-истребительнице должны страшно мешать длинные распущенные волосы, которые разметались по всей кабине, в то время как она яростно расстреливает силы зла.

Но, как я уже говорила, я не поделилась этими мыслями с Кенни, и поэтому нам вместе очень хорошо и весело. Да, по-своему очень здорово иметь парня. Я могу больше не волноваться о том, кто пригласит меня на светский Зимний бал в средней школе имени Альберта Эйнштейна. (Раньше вечер назывался Рождественским, но потом его переименовали, поскольку это могло оскорбить чувства учеников, не отмечающих Рождество.)

А почему мне не надо волноваться, пригласят ли меня на самое главное школьное мероприятие, не считая выпускного?

Потому что я с Кенни.

Вообще-то он меня еще не пригласил, но пригласит обязательно. Он ведь мой парень.

Супер, да? Иногда мне кажется, что я самая везучая девчонка на свете. Не, правда. Сами подумайте: я, может, и не красавица, но фигура у меня не самая ужасная. Живу в Нью-Йорке, крутейшем месте на планете. Я, между прочим, принцесса. И у меня есть парень. Что еще нужно девушке для счастья?

Ой, господи.

КОГО Я ОБМАНЫВАЮ?

Парень-то есть. Но проблема в том, что:

ОН МНЕ НИ КАПЕЛЬКИ НЕ НРАВИТСЯ.

Точнее, он мне нравится, но как парень... Не знаю. Поймите меня правильно, Кенни – хороший. Он забавный, и с ним не скучно, и он симпатичный – высокий такой, худощавый. Но когда я вижу, как он идет мне навстречу по школьному коридору, мое сердце даже не пытается биться чаще – не то что в романах для девочек, которые постоянно читает моя подружка Тина Хаким Баба.

И, когда Кенни берет меня за руку – в кино или еще где, – моя ладонь не дрожит и не замирает ни разу, как обычно бывает с героинями романов.

А когда он меня целует? Где фейерверк чувств? Забудьте. Никаких фейерверков. Нихт. Найн.

Забавно. Я так долго мечтала о парне и все ломала голову, как его добыть да как заставить поцеловать меня. А теперь, когда парень появился, я в основном думаю о том, как увильнуть от его поцелуев. Один из лучших способов – это резко повернуть голову. Заметив, что Кенни тянется ко мне губами, я ловко отворачиваюсь в самый последний момент, и ему достается только моя щека, ну и частично волосы.

А хуже всего то, что, когда Кенни заглядывает мне в глаза – он это часто делает – и спрашивает, о чем я думаю, я обычно думаю об одном и том же человеке. Но этот человек вовсе не Кенни. Это старший брат Лилли – Майкл Москониц, которого я люблю... э-э... **ДА ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ.**

Погодите, это еще не все. Теперь все считают, что мы пара. То есть мы – Кенни-и-Миа. Если раньше по субботам мы с Лилли тусовались вдвоем, то теперь это Лилли-с-Борисом и Кенни-с-Мией. Иногда к нам присоединяются Тина Хаким Баба со своим парнем Дейвом Фарух Эль-Абаром и еще одна наша общая подруга Шамика Тейлор со своим парнем Дэрилом Гарднером. Получается Лилли-с-Борисом, Кенни-с-Мией, Тина-с-Дейвом и Шамика-с-Дэрилом.

А если мы с Кенни поссоримся, у меня больше не будет пары для субботней тусовки. Seriously. Лилли-с-Борисом, Тине-с-Дейвом и Шамике-с-Дэрилом не нужна одна Миа. Я там буду как пятое колесо в телеге.

Ну и опять же, если мы с Кенни расстанемся, с кем я пойду на светский Зимний бал? Конечно, если он меня вообще пригласит.

Ой, ладно, надо идти. Лилли-с-Борисом, Тина-с-Дейвом и Кенни-с-Мией собираются на каток в Рокфеллер-центр.

Короче, осторожнее загадывайте желания, они ведь могут сбыться.

Суббота, 6 декабря, 11 вечера

Я-то думала, что жизнь моя кончена, потому что у меня появился парень, который мне нравится, но не как мой парень, и я хочу с ним расстаться, но так, чтобы его не обидеть, а это невозможно.

Ха, я даже не догадывалась, до какой степени кончена моя жизнь!

Догадалась только сегодня вечером, когда к Лилли-с-Борисом, Тине-с-Дейвом и Мие-с-Кенни присоединилась еще одна пара – Майкл-с-Джудит.

Да, именно – брат Лилли, Майкл, пришел на каток с президентом компьютерного клуба (сам он в этом клубе казначей) Джудит Гершнер.

Джудит Гершнер, которая, как и брат Лилли, Майкл, учится в выпускном классе средней школы имени Альберта Эйнштейна.

Джудит Гершнер, которая, как и Майкл, круглая отличница.

Джудит Гершнер, которая, как и Майкл, наверняка поступит в любой колледж, в какой захочет, потому что она, как и Майкл, гениальна.

И, как и Майкл, Джудит Гершнер получила в прошлом году приз на ежегодной школьной выставке биомедицинских технологий за свой научный проект, в котором она клонировала плодовую мушку.

Клонировала плодовую мушку. Дома. В своей комнате.

Джудит Гершнер умеет клонировать плодовых мушек в домашних условиях. А я? Я даже дроби перемножить неспособна.

Хм-м. Дайте подумать. Вот вы, например, на месте Майкла Московица, круглого отличника и абитуриента Колумбийского университета по программе раннего поступления, кого бы вы пригласили на свидание: девочку, которая клонирует плодовых мушек у себя дома, или девочку, у которой трешка по алгебре (базовый уровень), несмотря на то что ее мать замужем за ее учителем алгебры?

Честно говоря, в принципе нет ни единого шанса на то, что Майкл когда-нибудь пригласит меня на свидание. Но, признаюсь, пару раз мне казалось, что, может, и пригласит. Конечно, только казалось. С какой стати парень вроде Майкла, который отлично учится и сделает блестящую карьеру в любой профессии, станет звать на свидание девчонку, которая давно вылетела бы из школы, если бы не дополнительные занятия с мистером Джанини и, кстати, самим Майклом?

А Майкл и Джудит Гершнер идеально подходят друг другу. Джудит даже похожа на него немного. У обоих черные кудрявые волосы и интересная бледность из-за того, что они целыми днями сидят в четырех стенах, выискивая в интернете информацию про геномы.

Но если Майкл и Джудит созданы друг для друга, почему же мне стало так нехорошо внутри, когда я увидела, как они направляются к нам, – мы в этот момент надевали коньки. У меня ведь нет ни малейшего права ревновать из-за того, что Майкл Московиц пригласил Джудит Гершнер на каток. Вообще никакого.

Но я при виде него и Джудит совершенно офигела. В смысле, Майкл практически не выходит из своей комнаты, поскольку почти все время сидит за компьютером – издает интернет-журнал «Головоломка». Последнее место, где я ожидала его увидеть, это каток в Рокфеллер-центре, да еще в самый разгар столпотворения вокруг сияющей огнями рождественской елки. Майкл вообще старается избегать мест скопления туристов, то есть практически всего, что находится севернее Бликер-стрит.

И вот вам, пожалуйста: Майкл, а с ним – Джудит Гершнер в комбинезоне, теплых ботинках «Рокпорт» и лыжной куртке. Она оживленно щебечет – о чем-то умном, конечно, вроде ДНК.

Я пихнула в бок Лилли, шнуровавшую коньки, и сказала, надеюсь, совершенно невозможно:

– Смотри, вон твой брат идет.

Лилли даже не удивилась. Вскинула глаза и буркнула:

– Ага. Он говорил, что, может, подойдет.

Подойдет с подружкой? Так и сказал? А предупредить меня, как-то намекнуть, а, Лилли? Чтобы я успела морально подготовиться? Но Лилли не знает о моих чувствах к ее брату. Понятно, ей и в голову не пришло бы осторожно и бережно сообщить мне о возможном появлении Майкла.

Но я ловко справилась с ситуацией. Все прошло как по маслу (то есть на самом деле совсем наоборот).

Майкл и Джудит вертели головами, ища, где бы пристроиться, чтобы надеть коньки.

Я (*небрежно, обращаясь к Лилли*): Не знала, что твой брат встречается с Джудит Гершнер.

Лилли (*почему-то с отвращением*): Да ладно. Они не встречаются. Просто она приходила к нам домой, они с Майклом сочиняют какую-то программу для своего дурацкого компьютерного клуба. Услышали, что мы идем кататься на коньках, и Джудит сказала, что тоже хочет.

Я: А выглядит так, как будто они встречаются.

Лилли: Да плевать, как это выглядит. Борис, тебе обязательно все время на меня дышать?

Я (*подошедшим Майклу и Джудит*): О, привет. Майкл, я и не знала, что ты умеешь кататься на коньках.

Майкл (*дернув плечом*): Я раньше играл в хоккейной команде.

Лилли (*фыркает*): Ну да, в далеком детстве. Это было еще до того, как он решил, что командные виды спорта – пустая трата времени, потому что успех команды зависит от общих усилий всех игроков, в отличие от индивидуальных выступлений вроде тенниса или гольфа.

Майкл: Лилли, ты заткнешься когда-нибудь?

Джудит: Обожаю кататься на коньках! Только у меня не очень хорошо получается.

Это она верно подметила. Джудит катается настолько плохо, что Майклу пришлось ехать перед ней спиной вперед и держать за руки, чтобы она не грянулась об лед. Не знаю, что поразило меня сильнее: то, что Майкл может кататься спиной вперед, или то, что он был готов таскать Джудит кругами по всему катку. Даже я в состоянии самостоятельно удержаться на льду в вертикальном положении, хоть и неспособна клонировать плодovou мушку.

Зато Кенни способ Майкла явно понравился больше, чем старый добрый вариант – в смысле поодиночке, – и он начал доставать меня просьбами покататься так же, как Майкл с Джудит.

Я твердила, что умею кататься сама, но Кенни отвечал, что дело не в этом. Полчаса я отбивалась, потом сдалась и позволила ему ехать передо мной задом наперед и тянуть меня за руки.

Беда в том, что Кенни неважно катается задом наперед. А я езжу на коньках хорошо, но не настолько, чтобы удержаться на ногах, если человек, который елозит прямо передо мной, споткнется и упадет.

Именно так и случилось. Кенни растянулся, а я не смогла вовремя притормозить и брякнулась на него, ударившись подбородком о его колено. В результате я здорово прикусила язык, и рот тут же наполнился кровью. Глотать кровь мне не хотелось, и я ее выплюнула. И попала Кенни на джинсы и на лед. Это произвело сильное впечатление на туристов, которые толпились

вокруг катка, фотографируя друзей и близких на фоне гигантской рождественской ели. Все тут же начали щелкать девчонку, давящуюся кровью на льду, – вот они, нью-йоркские нравы.

В тот же миг ко мне скользнул Ларс – он суперконькобежец благодаря своему северному детству, а вот на телохранителя учился в самом сердце пустыни Гоби, – поднял меня, осмотрел мой язык и, вручив носовой платок, велел крепко прижать его к ранке.

– На сегодня коньков достаточно, – сказал он.

Ну и все. Теперь у меня ранка на кончике языка, из-за этого больно говорить, и, кроме того, все это было ужасно унижительно – шлепнуться на глазах у миллионов туристов, которые приперлись полюбоваться дурацкой елкой в дурацком Рокфеллер-центре, не говоря уже про моих друзей и, что самое обидное, Джудит Гершнер. Она, оказывается, тоже собирается в колледж при Колумбийском университете по программе раннего поступления (ну круто, они с Майклом осенью переходят в один колледж), только на медицинский. Джудит посоветовала мне обратиться к врачу, поскольку, как ей кажется, на ранку придется наложить швы. На моем языке! Мне еще повезло, сказала Джудит, что я не откусила кончик языка.

Да уж, повезло.

Мне так сильно повезло, что я пишу эти строки, лежа в кровати, и рядом со мной никого, кроме Толстяка Луи – кота, который весит двадцать пять фунтов и любит меня только за то, что я его кормлю, а парень, в которого я влюблена всю свою сознательную жизнь, гуляет по центру города с девушкой, умеющей клонировать плодовых мушек и с одного взгляда определяющей, надо ли наложить швы на рану.

Во всем этом есть только одна положительная сторона: если Кенни подумывал перейти к поцелуям взапас, теперь ничего не выйдет, пока у меня язык не заживет. А доктор Фан – мама вызвала его, как только Ларс привез меня домой, – сказал, что это займет от трех до десяти дней.

Йес-с-с!

ДЕСЯТЬ ПРИЧИН, ПО КОТОРЫМ Я НЕНАВИЖУ ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ В НЬЮ-ЙОРКЕ

1. Туристы из глубинки, прикатывающие в город на огромных спортивных внедорожниках. Они носятся как сумасшедшие, норовя сбить пешеходов на переходах, и почему-то уверены, что водят как бешеные ньюйоркцы. На самом деле они водят как полные придурки. Я уж не говорю о том, что город и без них загазован. Неужели нельзя ездить общественным транспортом, как нормальные люди?

2. Дурацкая рождественская ель в Рокфеллер-центре. В этом году зажечь елку пригласили меня, как «принцессу из Нью-Йорка» (так меня окрестили журналисты). Но когда я начала рассказывать о том, что вырубка деревьев провоцирует истончение озонового слоя, приглашение быстро отменили и елку зажег мэр города.

3. Из всех магазинов несутся дурацкие рождественские песни.

4. Дурацкие катки с глупыми мальчишками, которые почему-то думают, что умеют кататься задом наперед, хотя они этого не умеют.

5. Необходимость покупать дурацкие подарки со значением для всех знакомых.

6. Экзамены.

7. Дурацкая мерзкая нью-йоркская погода. Снега нет, зато каждый день дубняк, дождь и промозглая сырость. Куда вообще подевались снежные зимы? Я вам скажу, что с ними стало: их уничтожило глобальное потепление. А глобальное потепление почему появилось? А потому, что все носятся на внедорожниках и рубят деревья!

8. Дурацкие затягивающие рождественские передачи на ТВ.

9. Дурацкая завлекающая рождественская реклама на ТВ.

10. Омела. Эту фигню вообще надо запретить. Для взрослых мальчиков омела – предлог (одобряемый обществом) для поцелуев. А по-моему, это сексуальное домогательство.

Тем более что с омелой к тебе лезут совсем не те мальчики.

Воскресенье, 7 декабря

Только что вернулась с ужина у бабушки. Все мои попытки увильнуть, даже жалобы на прокушенный язык, были напрасны. Ужин прошел еще хуже, чем обычно, потому что бабушка вздумала освежить в нашей с ней памяти мое рабочее расписание во время поездки в Дженовию. Расписание такое:

Воскресенье, 21 декабря

15:00

Прибытие в Дженовию.

15:30–17:00

Встреча и знакомство с персоналом дворца.

17:00–19:00

Ознакомительная экскурсия по дворцу.

19:00–20:00

Смена туалета к ужину.

20:00–23:00

Ужин с почетными гражданами Дженовии.

Понедельник, 22 декабря

8:00–9:30

Завтрак с общественными деятелями Дженовии.

10:00–11:30

Посещение государственных школ Дженовии.

12:00–13:00

Встреча с дженовийскими школьниками.

13:30–15:00

Обед с членами Ассоциации педагогов Дженовии.

15:30–16:30

Посещение Дженовийского порта и военного крейсера Дженовии («*Принц Филипп*»).

17:00–18:00

Посещение Дженовийской центральной клинической больницы.

18:00–19:00

Встреча с пациентами больницы.

19:00–20:00

Смена туалета к ужину.

20:00–23:00

Ужин с вдовствующей принцессой, принцем и военными советниками Дженовии.

Вторник, 23 декабря

8:00–9:00

Завтрак с представителями Ассоциации производителей оливок Дженовии.

10:00–11:00

Церемония зажжения рождественской елки, внутренний двор перед Королевским дворцом Дженовии.

11:30–13:00

Встреча с членами Исторического общества Дженовии.

13:00–15:00

Обед с членами представительства по туризму Дженовии.

15:30–17:30

Посещение Национального художественного музея Дженовии.

18:00–19:00

Посещение памятника дженовийцам, погибшим на войне. Возложение цветов на Могилу Неизвестного Солдата.

19:30–20.30

Смена туалета к ужину.

20:30–23:30

Ужин с королевской семьей Монако.

И все в таком же роде.

Главным событием станет мое появление во время ежегодного телевизионного рождественского обращения моего папы к народу Дженовии, во время которого он представит меня. Я должна сказать речь о том, как я счастлива оказаться папиной наследницей, пообещать трудиться на благо Дженовии не хуже, чем он, и повести страну за собой в новый век.

Волнуюсь? Я? Из-за того, что выступлю по телевизору перед пятьюдесятью тысячами человек и пообещаю не подвести их страну?

Не-а. Вообще ни разу.

Меня просто начинает тошнить от одной мысли об этом, вот и всё.

Короче. Я, конечно, понимала, что визит в Дженовию не поездка в Диснейленд, но все же... Могли бы добавить в расписание пару-тройку развлечений. Я не требую ничего особенного, но хоть поплавать немного или прокатиться верхом? Э нет, в Дженовии нет времени на удовольствия.

В дополнение к расписанию мне пришлось познакомиться со своим родственником – Себастьяно Гримальди. Он приходится сыном дочери сестры моего умершего дедушки, то есть мне он типа троюродного брата. Тем не менее, если бы не я, он мог бы стать наследником трона Дженовии.

Правда. Если бы мой папа умер бездетным, следующим принцем Дженовии стал бы Себастьяно. Может, поэтому при взгляде на него папу каждый раз слегка передергивает, хотя он очень старается это скрыть.

А может, папа вздрагивает оттого, что относится к Себастьяно примерно так же, как я к Хэнку, – чисто теоретически я его, конечно, люблю, но в реальной жизни он меня бесит.

А вот бабушку Себастьяно не бесит. Наоборот, она его обожает. Странно, мне казалось, бабушка в принципе не способна обожать кого бы то ни было. Ну, за исключением своего карликового пуделя Роммеля.

Но от Себастьяно у нее конкретно сносит башню. Когда бабушка нас знакомила, он изящно поклонился и чмокнул воздух над моей рукой. Бабушка просияла от счастья под своим розовым шелковым тюрбаном. Клянусь. Я впервые увидела, как бабушка сияет. Злобно зыркать – пожалуйста, сколько угодно, а чтоб сияла – никогда.

Возможно, именно заметив ее сияние, папа принялся раздраженно хрустеть кусочком льда, выудив его из своего стакана виски с содовой. От этого хруста бабушкину улыбку как рукой сняло.

– Если тебе хочется грызть лед, Филипп, – сказала она холодно, – можешь поужинать в «Макдоналдсе» вместе с пролетариатом.

Папа перестал грызть лед.

Оказывается, бабушка вызвала Себастьяно из Дженовии специально для того, чтобы он придумал мне платье для выступления по телевизору перед будущими соотечественниками. Бабушка сказала, что Себастьяно – набирающий популярность дизайнер модной одежды, и очень важно, чтобы дженовийцы поддерживали своих художников и прочих людей искусства, а не то они все свалят в Нью-Йорк или вообще, не дай бог, в Лос-Анджелес.

Не повезло Себастьяно. Судя по яркой внешности, ему очень понравилось бы жить в Лос-Анджелесе. Ему около тридцати, он высокий, с длинными темными волосами, собранными в конский хвост. Сегодня вечером Себастьяно вместо галстука повязал белый шелковый шейный платок и надел синюю бархатную куртку и кожаные штаны. Но я готова простить ему штаны из натуральной кожи, если он придумает мне симпатичное платье. Такое, чтобы, увидев меня в этом платье, Майкл Московиц напрочь забыл про Джудит Гершнер с ее плодовыми мушками и думал только обо мне, Мии Термополис.

Только вряд ли Майкл увидит меня в этом платье, поскольку мое выступление покажут лишь по дженовийскому телевидению, а не по CNN или вроде того.

Но все равно Себастьяно был явно готов принять творческий вызов. Он даже достал после ужина ручку и принялся делать наброски – прямо на белой скатерти – платья, которое подчеркнет, как он сказал, мою тонкую талию и длинные ноги. Правда, в отличие от папы, который родился и вырос в Дженовии, но отлично говорит по-английски, Себастьяно изъясняется не так хорошо. Он то и дело глотает окончания слов. Так, вместо «тонкая» у него получается «тонн», а вместо «кофе» – «кофф». А когда он хотел сказать «прелестно», вышло «прейесс». Ну а когда он попросил передать ему «сахарный писс» вместо сахарного песка, мне пришлось практически целиком забить в рот салфетку, чтобы не расхохотаться.

Естественно, бабушка заметила, как я давлюсь от хохота, и, вздернув нарисованную бровь, сказала:

– Амелия, не стоит насмехаться над чужой манерой говорить. Тем более что твоя собственная речь очень далека от совершенства.

И это правда, учитывая, что из-за распухшего языка я не могу произносить слова, которые начинаются на «с».

Зато Себастьяно разрешается не только произносить слово «писс» за столом, но и рисовать на скатерти.

– Гениально! Просто гениально! Как всегда! – восхищалась бабушка, рассматривая наброски.

– Ты правда так думаешь? – расплылся Себастьяно.

А мне вот его наброски гениальными не показались. Платье как платье, самое обыкновенное. При виде его никто не забудет, что я способна клонировать плодовых мушек так же, как пользоваться косметикой, протестированной на животных.

– Э-э, – вмешалась я, – а можно сделать это платье чуть более... ну, сексуальным, что ли?

Бабушка и Себастьяно переглянулись.

– Сексуальным? – повторила бабушка и ехидно хихикнула. – Каким образом? Увеличить вырез? Так тебе все равно нечем похвастать в этой области.

Ну ваше. Я бы не сильно удивилась, услышав нечто подобное от чирлидерш из нашей школы, для которых унижать людей – своего рода развлечение и вид спорта. Но каким надо быть человеком, чтобы сказать такое своей единственной внучке? Я ведь имела в виду боковой разрез или какую-нибудь оборку, а не наряд в стиле Дженнифер Лопес. Но бабушка мигом перевернула все с ног на голову. Ну за что меня Бог наградил бабушкой, которая бреет брови и хихикает над моими недостатками? Почему судьба обделила меня бабушкой, которая печет печенье для любимой внучки и рассказывает подружкам в бридж-клубе, какая я необыкновенная?

Пока бабушка и Себастьяно радовались как дети своей незамысловатой шутке в мой адрес, папа вдруг встал и вышел из-за стола, бросив, что ему надо сделать срочный звонок. Ну да, когда на ринг выходит бабушка, каждый спасается как может, но все-таки родной отец мог бы и вступить за меня разок.

Не знаю, может, на меня так действовала эта пробоина в языке (я даже не могу вставить в нее гипоаллергенную сережку-колечко и сказать, что продырявила язык нарочно, всем назло), но, слушая, как Себастьяно с бабушкой сожалеют о том, что я никогда не буду носить платья и топы без бретелек – ну разве что случится чудо и мой семидесятый «А» превратится в семьдесят пятый «С», – я вдруг подумала, что с моим-то везением Себастьяно мог явиться в Нью-Йорк не для того, чтобы спроектировать мне платье к торжественному событию, а чтобы прикончить меня и самому усесться на трон Дженовии. Или, как сказал бы Себастьяно, «уссат...».

Не, ну правда. В «Спасателях Малибу» такое случается постоянно. Вы даже не представляете, сколько народу из королевских семей спас от смерти Митч.

Вот надену я платье, которое мне Себастьяно сочинит, а оно возьмет и задушит меня насмерть прямо во время выступления перед народом Дженовии, так же, как корсет в оригинальной версии «Белоснежки», которую написали братья Гримм. В диснеевском мультике этого, конечно, нет – уж очень жуткая сцена.

Ну хорошо, меня задушило платье, и вот я лежу в хрустальном гробу, вся такая бледная и величественная, и Майкл приходит вместе со всеми со мной попрощаться. Смотрит и только тут понимает, что всегда меня любил. И тогда он, понятное дело, сразу расстается с Джудит Гершнер.

А че такого? А почему, собственно, нет?

Ну ладно, ок, не расстанется, но представить-то все равно приятно. Уж точно приятнее, чем слушать, как бабушка и Себастьяно обсуждают меня, будто я не сижу прямо у них перед носом.

Я начала представлять, как Майкл тоскует по мне всю оставшуюся жизнь, но Себастьяно сбил меня с мысли, сказав:

– У нее тонн кось.

Я не сразу сообразила, что речь обо мне, а когда поняла, восприняла как комплимент, что у меня тонкая кость. Но тут Себастьяно продолжил:

– С макияжé будет выглядeсь как модэйй.

То есть без макияжа я, значит, никакая? (Ну вообще-то так оно и есть.)

Ясное дело, бабушка и не подумала возразить. Она кормила Роммеля кусочками телятины в винном соусе, а он, как обычно, трясся от холода у нее на коленках, поскольку у него от аллергии вылезла вся шерсть.

– Сомневаюсь, что ее отец разрешит тебе, – сказала бабушка Себастьяно. – Филипп безнадежно старомоден.

Чья бы корова мычала! Бабушка до сих пор верит, что кошки высасывают дыхание из своих спящих хозяев. Серьезно. Она все время уговаривает меня избавиться от Толстяка Луи.

Пока бабушка распространялась по поводу старомодности своего сына, я тоже вышла из-за стола и слиняла к папе на балкон. Он просматривал сообщения в телефоне. Назавтра ему предстояла игра в ракетбол с премьер-министром Франции, который приехал в Нью-Йорк на тот же саммит, что и японский император.

– Миа, – сказал он, – ты зачем здесь? Холод собачий. Возвращайся в комнату.

– Сейчас пойду, – ответила я и, встав рядом с папой, окинула взглядом город.

Из пентхауса отеля «Плаза» открывается изумительный вид на Манхэттен. Море светящихся окон, и за каждым по крайней мере один человек, а может, и больше, может, десятеро. Так захватывающе думать об этом! Всю жизнь живу на Манхэттене и все равно, сколько ни смотрю, не перестаю восхищаться.

И вот люблюсь я на светящиеся окна, и вдруг меня осеняет, что за одним из них сидит в своей комнате Джудит Гершнер. Клонировать еще кого-нибудь. Голубя, например. Я снова вспомнила, как Джудит и Майкл склонялись надо мной после того, как я прокусила язык. Итак, дано: девушка, которая умеет клонировать, и девушка, прокусившая себе язык. Прямо даже и не знаю... Ну а вы бы кого выбрали?

Папа заметил, что я какая-то не такая.

– Я знаю, что Себастьяно кого угодно из себя выведет, – начал он, – но потерпи его пару недель. Хотя бы ради меня.

– Это не из-за Себастьяно, – грустно сказала я.

Папа что-то буркнул, но в комнату не пошел, хотя на улице было всего градуса четыре, а он совершенно лысый. У него уже кончики ушей покраснели, но он не сдвинулся с места. И даже куртки на нем не было, только вечный темно-серый костюм от «Армани».

Я восприняла это как желание продолжить разговор. Обычно я со своими проблемами к папе не хожу. Не потому, что мы не дружим, а потому, что он все-таки мужчина. Зато у него большой опыт в любви, так что, может, в этот раз он подскажет мне правильное решение.

– Пап, – сказала я, – что делать, если человек тебе нравится, но он об этом не догадывается?

– Ну если Кенни до сих пор не понял, что он тебе нравится, то, боюсь, уже никогда не поймет, – хмыкнул папа. – Ведь вы встречаетесь каждый выходной начиная с Хеллоуина.

Вот что значит иметь телохранителя, который работает на твоего отца, – оба в курсе всех твоих личных дел!

– Я говорю не про Кенни. Это другой человек. И он не знает, что нравится мне.

– А чем плох Кенни? – не понял папа. – Мне он нравится.

Ну конечно, папе нравится Кенни. Еще бы! Ни малейшего шанса, что мы когда-нибудь минуем первую стадию отношений. Какой папа будет против того, чтобы его дочь-подросток встречалась с таким парнем?

Но если папа всерьез планирует сохранить трон Дженовии в руках семейства Ренальдо и не дать ему ускользнуть к Себастьяно, пусть сразу забудет про Кенни, потому что мы с ним никогда не займемся воспроизводством. Не в этой жизни. Я это точно знаю.

– Папа, – сказала я, – забудь про Кенни, хорошо? Мы с ним просто друзья. Я говорю про другого человека.

Папа навалился на перила балкона с таким видом, будто ему очень хотелось плюнуть вниз. Но нет, он, конечно, не плюнет. Не может такого быть.

– Я его знаю? Этого человека?

Я замялась, поскольку еще никому не говорила, что втрескалась в Майкла. Правда. Никому. А кому я могла в этом признаться? Лилли высмеяла бы меня или вообще поделилась с Майклом. А мама... Ну, у нее свои проблемы.

– Это брат Лилли, – выпалила я, как в воду прыгнула.

– А он разве не в колледже учится? – встревожился папа.

– Еще нет, – ответила я. – Должен перейти туда осенью. – И, видя, что его это не успокоило, добавила: – Не волнуйся, у меня с ним все равно ничего не выйдет. Майкл очень умный, ему не может понравиться такая, как я.

Папа вдруг оскорбился. Такое было впечатление, что он сам не знал, как реагировать: волноваться из-за того, что его дочери нравится парень старше ее, или сердиться, потому что этот парень не отвечает ей взаимностью.

– Что значит: ему не может понравиться такая, как ты? – возмутился папа. – Почему ты не можешь понравиться?

– Ну, пап, я чуть не завалила алгебру, помнишь? А Майкл поступает в университет из Лиги плюща, между прочим! Зачем я ему нужна?

Тут папа совсем разошелся:

– Сложные отношения с математикой ты унаследовала от мамы, но во всем остальном пошла в меня!

Это было неожиданно. Я поспешно выпрямилась – а вдруг правда? – и неуверенно кивнула.

– Ага.

– Мы с тобой совсем не глупы, Миа, – продолжил папа. – Так что, если тебе действительно нравится этот Майкл, дай ему об этом знать.

– В смысле, подойти к нему и так и сказать: «Эй, ты мне нравишься»?

– Нет, нет, нет! – Папа рассерженно замотал головой. – Это надо сделать тонко и деликатно. Покажи ему, что ты чувствуешь.

– А... – осторожно проговорила я.

Возможно, я вылитый папа во всем, кроме способностей к математике, но в данный момент вообще не врубилась, о чем он.

– Пойдем-ка внутрь, – сказал папа, – а то бабушка решит, что мы плетем против нее заговор.

Подумаешь, новость. Бабушке всегда кажется, что против нее все что-то замышляют, даже прачки в «Плазе» нарочно сговорились и пользуются при стирке мылом, от которого у Роммеля вся шерсть повылазила.

Кстати, о заговорах.

– Пап, а Себастьяно может убить меня, чтобы самому занять престол?

Папа сдавленно фыркнул, сдерживая смех. Наверное, громко расхохотаться было бы не по-королевски.

– Нет, Миа, – сказал он. – Не думаю.

Но у папы ведь воображения ни на грош. Я решила на всякий случай быть настороже с Себастьяно.

Мама заглянула в комнату, чтобы сказать, что мне звонит Кенни.

Наверное, хочет пригласить меня на Зимний бал. Да уж, давно пора.

Воскресенье, 7 декабря, 11 вечера

Я в шоке. Кенни так и не пригласил меня на Зимний бал. Вместо этого у нас вышел совершенно охренительный разговор.

Я: Алло?

Кенни: Миа, привет. Это Кенни.

Я: О, Кенни, привет. Что-то случилось?

Он как-то странно говорил, потому я и спросила.

Кенни: Да нет, я просто хотел узнать, как ты. В смысле, как твой язык.

Я: Уже получше вроде.

Кенни: Я правда очень волновался. Понимаешь, я не хотел...

Я: Кенни, я все понимаю. Это просто несчастный случай.

Тут я вдруг поняла, что не о том советовалась с папой. Надо было спрашивать, как сказать человеку, что больше не хочешь с ним встречаться, а вовсе не о том, как признаться в своей симпатии.

Ну ладно, про разговор с Кенни.

Кенни: Ну и я хотел пожелать тебе спокойной ночи и сказать, чтобы ты поправлялась скорее. И еще... я хочу, чтобы ты знала, что... Миа, я тебя люблю.

Я:...

Я настолько офигела, что ничего не сказала. Не то чтобы я не догадывалась о его чувствах, мы ведь вообще-то встречаемся. Но какой парень будет звонить своей девушке по телефону, чтобы признаться в любви? Ну кроме совсем уж психов. Но Кенни не псих. Он же Кенни. Так с какого перепугу он по телефону говорит, что любит меня???

А я, как всегда, просто гений красноречия. Кенни не кладет трубку, ждет ответа и все такое. И я отвечаю:

Я: Э-э, ну ладно.

Э-э, ну ладно.

Парень говорит, что любит меня, а я такая: «Э-э, ну ладно». О да, мне самое место среди дипломатов.

Бедняга Кенни все еще ждет чего-то, кроме «э-э, ну ладно», как ждал бы всякий на его месте. Но я ничего не могу ему ответить и просто говорю:

Я: Тогда до завтра.

И КЛАДУ ТРУБКУ!

Господи, я самая гадкая, злобная, неблагодарная тварь на всем белом свете. После того как Себастьяно меня прикончит, я попаду прямиком в ад. Seriously.

УСПЕТЬ ДО ОТЪЕЗДА В ДЖЕНОВИЮ

1. Составить подробную инструкцию для мамы и мистера Дж. о том, как ухаживать за Толстяком Луи, пока меня не будет.

2. Закупить кошачий корм и наполнитель для лотка.

3. Подарки на Рождество/Хануку:

Маме – электрический молокоотсос? Узнать.

Мистеру Дж. – новые барабанные палочки.

Папе – книгу по вегетарианству. Он должен правильно питаться, чтобы болезнь не вернулась.

Лилли – то, что ей всегда нужно: чистые видеокассеты для съемок ее шоу.

Ларсу – выяснить, делают ли у «Прада» кобуры, подходящие для его «глока».

Кенни – перчатки? Что-нибудь неромантичное.

Толстяк Луи – мячик с кошачьей мятой.

Бабушка – что можно купить женщине, у которой все есть, включая подвеску из сапфира в восемьдесят девять каратов, подаренную султаном Брунея? Черта в ступе?

4. Расстаться с Кенни... Только как? Он же ЛЮБИТ меня.

Но, как посмотрю, не настолько сильно, чтобы пригласить на Зимний бал.

Понедельник, 8 декабря, продленка

Лилли не верит, что Кенни признался мне в любви по телефону. Я рассказала ей об этом в машине по дороге в школу. (К счастью, Майкл сегодня с нами не поехал, ему надо было к зубному. Лучше сразу умереть, чем рассказывать при нем о своих романах. Хватит и того, что мой телохранитель все слышит. Если бы еще пришлось обсуждать такие вещи при человеке, которого я боготворю полжизни, у меня точно началось бы психическое расстройство.)

В общем, Лилли такая:

– Я категорически отказываюсь верить, что Кенни на это способен.

– Лилли, – говорю я как можно тише, чтобы еще и шофер не услышал, – это абсолютно серьезно. Он сказал, что любит меня. «Я тебя люблю», прямо так и сказал. Ни с того ни с сего.

– Скорее всего, он этого не говорил. Он что-то другое сказал, а ты не расслышала.

– Что другое? «Я тебя ловлю?»

– Ну нет, конечно. Это вообще какая-то ерунда, – фыркнула Лилли.

– А что тогда? Что такого мог сказать Кенни, что звучало как «я тебя люблю», но было не «я тебя люблю»?

Тут Лилли взбесилась.

– Знаешь, ты сама как-то странно себя ведешь с этим Кенни весь последний месяц. Практически с того момента, как вы вместе. Я не понимаю, чего тебе еще надо? Ты все время нудила: «Почему у меня нет парня? Ну почему у всех, кого я знаю, есть парни, а у меня нет? Когда у меня появится парень?» И вот наконец он у тебя появился, а ты опять недовольна.

Лилли сказала чистую правду, но я все равно сделала вид, что обиделась, потому что изо всех сил пыталась скрыть, что не влюблена в Кенни.

– Неправда, – сказала я. – Мне очень нравится Кенни.

– Да что ты говоришь? А я думаю, правда заключается в том, что ты, Миа, еще не готова к отношениям с парнем.

У меня просто башню снесло после такого заявления.

– Я? Не готова? Шутишь, что ли? Да я к этому всю жизнь готовилась!

– Да? А почему же ты тогда не разрешаешь целовать себя в губы? – с видом глубокого превосходства поинтересовалась Лилли.

– Кто тебе такое сказал? – возмутилась я.

– Кенни рассказал Борису, а Борис – мне.

– Ну супер! – Я еле сдерживалась. – Наши парни обсуждают нас за нашей спиной! И ты не против?

– Конечно против, – сказала Лилли. – Но мне их разговоры интересны с точки зрения психологии.

Вот что значит иметь лучшую подругу, у которой родители – психотерапевты. Что бы ты ни делала, им это интересно с точки зрения психологии.

– Только мне решать, кто и куда может меня целовать! – вспыхнула я. – Ни тебя, ни тем более Бориса это волновать не должно!

– Просто я подумала, – объяснила Лилли, – может, Кенни сказал тебе про это, ну, на букву «л», только потому, что не мог по-другому выразить свои чувства. В смысле, только словами, поскольку ты не позволяешь иначе.

Видимо, я должна радоваться тому, что Кенни решил выразить свои чувства только словами, а то, если бы дело дошло до «иначе», он ведь и врасос начал бы меня целовать.

Ой, все, не хочу больше об этом думать.

Понедельник, 8 декабря, продленка

Раздали расписание экзаменов. Вот мое:

РАСПИСАНИЕ ЭКЗАМЕНОВ

15 декабря

Подготовка

16 декабря

Экзамены – 1-й урок, 2-й урок

Значит, алгебру и английский я сдаю в один день. Но это ничего, с английским у меня все в порядке, ну, кроме разбора предложения. Можно подумать, мне это понадобится, когда я стану принцессой самой маленькой страны в Европе. А вот алгебра, говорят, мне реально потребуется. БЛИН!

17 декабря

Экзамены – 3-й урок, 4-й урок

История мировой цивилизации – легкотня. Бабушка столько всего мне понарассказала о Европе после Второй мировой войны, что я любой тест пройду. Наверняка я еще побольше учителя знаю. А физра... Какой может быть экзамен по физре? У нас уже был Президентский фитнес-тест (я все сдала хорошо, кроме наклонов к ногам из положения сидя).

18 декабря

Экзамены – 5-й урок, 6-й урок, 7-й урок

Занятия для особо одаренных? По этому предмету нет экзамена, что за экзамен по продленке? Ерунда какая-нибудь. Шестой экзамен – французский язык. Устно у меня все отлично, с письменным похуже. Ну ничего, я на французский хожу вместе с Тиной, значит, и готовиться будем вместе.

А вот седьмой экзамен – биология. С ним будет непросто. У меня приличные отметки по био только благодаря Кенни, который подсовывает мне ответы. Но если мы расстанемся, все его ответы накроются медным тазом.

19 декабря

Рождественская ярмарка и светский Зимний бал

Рождественская ярмарка и Зимний бал – это супер! Каждый школьный клуб или кружок оформляет свой стенд с достижениями, новогодними сувенирами и угощением типа горячего яблочного сока с пряностями. А после ярмарки – танцы, на которые я иду с Кенни (если он меня когда-нибудь пригласит, конечно). Ну если только я не сделаю то, что следует сделать, и не порву с ним. Но тогда я вообще не пойду на танцы, потому что без пары нельзя.

Хоть бы уж Себастьяно прикончил меня поскорее.

Понедельник, 8 декабря, алгебра

ПОЧЕМУ? НУ ПОЧЕМУ Я ВСЕГДА ЗАБЫВАЮ ТЕТРАДЬ ПО АЛГЕБРЕ?

ПЕРВОЕ – определить порядок действий.

ВТОРОЕ – последовательное умножение и деление слева направо.

ТРЕТЬЕ – последовательное сложение и вычитание слева направо.

ПРИМЕР: $2 \times 3 - 15 : 5 = 6 - 3 = 3$

Ой, Лана Уайнбергер бросила мне записку. Это еще зачем? От Ланы хорошего не жди, она меня всю жизнь терпеть не может. Не спрашивайте почему. Я еще могла понять ее злобу, когда Джош Рихтер пригласил меня вместо нее на танцы в День культурного многообразия. Да и то он обратил на меня внимание лишь потому, что я оказалась принцессой, а как только мы расстались, тут же помирился с Ланой. Но она ненавидела меня задолго до этой истории.

Я развернула записку.

Мне рассказали о том, что случилось с тобой на катке в выходные. Похоже, любимому придется потерпеть, пока не заживет язычок?

Господи! Неужели вся школа в курсе, что мы с Кенни до сих пор не целовались всасос?

Все из-за Кенни! Интересно, а что дальше? Новость появится в газетах и на обложках журналов?

Я точно говорю: если бы наши родители знали, что происходит каждый день в обычной американской средней школе, они все дружно проголосовали бы за домашнее обучение.

Понедельник, 8 декабря, история мировой цивилизации

Мне совершенно ясно, как надо поступить. Да всегда было ясно, на самом деле, и, если бы не Зимний бал, я бы уже давно с этим покончила.

Но теперь я понимаю, что нельзя ждать бала. Надо было решить этот вопрос вчера вечером, когда Кенни позвонил. Только как сказать такое по телефону? Лана Уайнбергер, наверное, смогла бы. А я – нет.

Нет, откладывать на завтра не стоит. Я должна расстаться с Кенни немедленно. Сколько можно морочить ему голову? К счастью, есть хотя бы один человек, который меня поддержит. Это Тина Хаким Баба.

Мне не хотелось ей об этом говорить. Да вообще никому не хотелось. Но оно как-то само собой сказалось, когда мы были в девчачьем туалете между вторым и третьим уроком. Тина подкрашивала глаза. Ее папа не разрешает ей пользоваться косметикой, поэтому она красится уже в школе. У Тины уговор с ее телохранителем Вахимом: она не рассказывает родителям, что Вахим клеится к нашей училке по французскому мадемуазель Кляйн, а он не докладывает мистеру и миссис Хаким Баба об увлечении Тины продукцией от «Мэйбилин».

Короче, я вдруг поняла, что больше не могу молчать, и рассказала Тине о том, что сказал Кенни по телефону... и еще много о чем, честно говоря. Но начала я с телефонного звонка.

В отличие от Лилли Тина мне сразу поверила, только отнеслась к этому совершенно не так, как я ожидала. Она пришла в восторг.

– Господи, Миа, какая ты счастливая! – воскликнула она. – Вот было бы круто, если бы Дейв признался мне в любви! Я знаю, что нравлюсь ему, но для него предел романтики – купить мне в «Макдоналдс» большую картошку фри.

Но я ждала поддержки совсем иного рода.

– Но, Тина, – сказала я. Уж эта читательница любовных романов должна была меня понять. – Дело в том, что я его не люблю.

Тина удивленно распахнула подведенные глаза.

– Не любишь?

– Нет, – убито ответила я. – Он мне нравится как друг. Но я не влюблена. В смысле, не в него.

– Боже, – выдохнула Тина, хватая меня за руку. – У тебя есть еще кто-то?

Оставалось всего несколько минут до звонка, и нам обеим надо было возвращаться в класс, но почему-то я выбрала именно этот момент, чтобы все ей рассказать. Не знаю почему. Возможно, после того как я поделилась с папой, признаться снова было уже проще, тем более Тине. И потом, я все время думала о том, что сказал папа. Ну, насчет показать парню свои чувства. Наверное, Тина – единственная из моих подруг, которая подскажет, как это сделать.

– Да, – ответила я.

Тина от волнения чуть не просыпала все, что лежало у нее в косметичке.

– Я так и знала! – воскликнула она. – Я знала, что должна быть причина, по которой ты отказывалась с ним целоваться!

У меня со стуком отпала челюсть.

– Ты тоже об этом знаешь?

– Кенни рассказал об этом Дейву, а Дейв – мне, – пожала плечами Тина.

Ну ни фиги себе! А Опра еще жалуется, что мужчины недостаточно эмоциональны и не делятся своими переживаниями друг с другом. Похоже, Кенни своими откровениями компенсировал мужской половине человечества несколько веков сдержанности.

– Ну и кто он? – взволнованно спросила Тина, кидая в косметичку щипчики для подкручивания ресниц и лайнер для губ. – Этот парень, который тебе нравится?

– Неважно, – сказала я. – Все равно это безнадежный случай. У него типа девушка есть. Наверное.

Тина стремительно обернулась ко мне, махнув толстой черной косой так, что та хлопнула ее по милому круглому лицу.

– Это Майкл, да? – требовательно спросила она, снова схватив меня за руку и сжав до боли.

Я не собиралась признаваться. Я уже рот открыла, чтобы сказать «нет». Но тут вдруг у меня мелькнуло: «А почему нет? Почему я должна скрывать это от Тины? Она никому не скажет, зато вдруг поможет?» И вместо того чтобы все отрицать, я глубоко выдохнула и прошипела:

– Расскажешь кому-нибудь – убью! Поняла? УБЬЮ.

В ответ Тина повела себя очень странно. Выпустив мою руку, она принялась скакать по кругу, приговаривая:

– Я так и знала, так и знала, так и знала.

Потом она резко остановилась и снова вцепилась в меня.

– Миа, я всегда считала, что из вас выйдет чудесная парочка. Мне нравится Кенни, и все такое, но... сама понимаешь... – Тина сморщила нос. – Он не Майкл.

Ха! Вчера мне было трудно признаться папе в своих чувствах к Майклу, но это было ничто – НИЧТО – по сравнению с признанием ровеснице. Я сама не ожидала, как важно для меня окажется то, что Тина не стала надо мной смеяться и подкалывать. Она все поняла и полностью поддержала меня в моих переживаниях, и за это мне захотелось обнять ее крепко-крепко.

Но времени уже не оставалось, звонок должен был вот-вот прозвенеть. Я торопливо спросила:

– Правда? Ты не считаешь, что я веду себя глупо?

Тина фыркнула.

– Майкл – это круто! И он взрослый. – Но тут же ее лицо огорченно вытянулось: – Но как быть с Кенни? И с Джудит?

– В том-то и дело. – Я ссутулилась так, что, будь здесь бабушка, обязательно отвесила бы мне подзатыльник. – Тина, я не знаю, что делать.

Тина озабоченно нахмурила темные брови.

– Кажется, я когда-то читала похожую историю. По-моему, она называлась «Слушай мое сердце». Мне бы вспомнить, как там все закончилось...

Она не успела вспомнить – прозвенел звонок. Мы обе опоздали на урок. Но оно того стоило, я считаю. Теперь я буду волноваться не одна, а в хорошей компании.

Понедельник, 8 декабря, О. О

Обед был катастрофой. Хотя чему тут удивляться, если уже вся школа знает, что я в последние дни делала – или не делала – со своим языком. Но вышло еще хуже, чем я могла себе представить.

А все потому, что я наткнулась на Майкла возле секции с салатами. Я насыпала на тарелку свою обычную горку из нута и цветной фасоли, а он шел мимо по направлению к бургерам (несмотря на все мои старания, брат и сестра Московиц упорно предпочитают оставаться мясоедами).

Майкл поинтересовался, как я себя чувствую, а я ответила, что все в порядке. И это совершенно нормально, поскольку в последний раз, когда мы виделись, у меня изо рта текла кровь. (Прелестная картина. Я ведь всегда отлично выгляжу и сохраняю чувство собственного достоинства в присутствии человека, которого люблю.)

Потом я чисто из вежливости спросила, как все прошло у зубного. В том, что было дальше, я не виновата: Майкл принялся рассказывать, что ему поставили пломбу и что у него губы онемели от укола новокаина. Я сама недавно пережила укол обезболивающего в области прокушенного языка, поэтому с сочувствием уставилась на его губы и тут неожиданно осознала, что раньше никогда не обращала на них внимания. В смысле, я смотрела на другие части его тела (например, когда он утром заходит на кухню без рубашки, а он всегда так делает, когда я остаюсь у Лилли с ночевкой). Но я никогда не смотрела на его губы. По-настоящему. Вблизи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.